

)

...Рана?

Ци Шуюэ далеко не сразу сообразил, что за рану имеет в виду Гуань Е. Тот говорил о малюсенькой, совершенно ничтожной царапинке на его собственном пальце.

Судя по лицу Гуань Е – такому суровому и каменному, – можно было подумать, что Ци Шуюэ вот-вот потеряет сознание от потери крови. До того серьезным и настороженным выглядел парень.

Ци Шуюэ сейчас чувствовал себя жутко виноватым, в мыслях царил полный кавардак, так что возразить он, естественно, не смог. Лишь очень тихо выдавил: «Мм».

В салоне машины вновь зажегся мягкий желтоватый свет. Его едва хватало, чтобы осветить крошечный пятachок вокруг их сидений – яркость была совсем невысокой. Но на Ци Шуюэ этот свет подействовал так успокаивающе, что он и сам не заметил, как паника немного улеглась.

Гуань Е предельно аккуратно открыл дорожную аптечку и поочередно извлек всё необходимое. Сначала он промыл царапину на пальце Ци Шуюэ минеральной водой, тщательно протер ее стерильной салфеткой, смазал йодопироном и только потом – с видом полководца перед решающей битвой – осторожно распаковал бактерицидный пластырь. Он донельзя скрупулезно наклеил его прямо на слегка порозовевший след от укуса и, убедившись, что края легли идеально ровно и плотно, наконец отпустил его руку.

Ци Шуюэ: – ... На этот пластырь ушло, наверное, минут десять.

Но сейчас они сидели под тусклым светом, глядя друг другу в глаза, и какое-то время оба молчали. Воздух пропитался донельзя странной, неловкой атмосферой. Под тяжелым, угольно-черным взглядом Гуань Е Ци Шуюэ чувствовал себя так паршиво, что готов был взмолиться: пусть лучше Гуань Е начнет допытываться – да хоть бы и следующие десять минут клеил пластыри! Лишь бы прекратилась эта сводящая с ума тишина.

Ци Шуюэ собрался с духом, решив сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

...Просто прикинуться соней и заявить, что его сморил сон. В конце концов, он уже столько раз

проворачивал этот трюк, успешно сходя с рук. Но стоило ему приоткрыть рот, как Гуань Е хрипло бросил:

– Ци Шуюэ.

Ци Шуюэ от неожиданности живо проглотил все приготовленные слова.

Опустив голову, Гуань Е резко подался вперед. Лицо Ци Шуюэ оказалось чересчур близко – казалось, чужое дыхание вот-вот коснется его кожи. Свет падал сзади и сбоку, погружая высокую переносицу Гуань Е в тень, отчего его выражение лица выглядело не просто свирепым, а каким-то зловещим. И вот с таким пугающим видом он медленно произнес:

– Я ревную.

Ци Шуюэ: «Мм...»

– Мм?

– Я ревную к ним. К Мэн Сяньвэню. Или ко всем остальным.

Ци Шуюэ слегка опешил. Его розоватые губы плотно сжались. Он поднял голову и растерянно посмотрел на Гуань Е, издав тихий, вопросительный звук – в этот момент он выглядел донельзя невинно, почти жалко.

Раньше, увидев такое выражение лица, Гуань Е моментально бы растаял и забросил расспросы. Но только не сейчас. Стоило ему лишь представить, что кто-то другой тоже может любоваться Ци Шуюэ вот так, как бушующее на дне души пламя ревности вспыхивало с новой силой – и его было уже не унять.

Смутное беспокойство, зародившееся еще при встрече с Мэн Сяньвэнем, тянулось шлейфом до самого этого момента.

Мало того, что Гуань Е не смог избавиться от Мэн Сяньвэня, так они еще и в дорогу отправились вместе, впуслав чужаков на его собственную территорию. И до сих пор... Гуань Е на самом деле не понимал, что именно означал поступок Ци Шуюэ по отношению к Сыкун Сюаню. Но он отлично знал, до чего же Ци Шуюэ бывает мягкосердечным. Тот не бросил бы в беде даже такого человека, как он сам, ведь его так легко обмануть и убаюкать. Раз уж Ци Шуюэ совершенно точно не замыслил ничего дурного, значит, он просто хотел помочь тому

парню.

Но от одной этой мысли кровь в жилах Гуань Е закипала от ярости – Ци Шуюэ ради кого-то другого не побоялся навредить собственному телу!

Неужели этот парень для Ци Шуюэ тоже... важен?

Конечно же, ревность сжигала его изнутри.

Гуань Е понимал: раз он вкусил эту сладость и нежность, то обязан платить по счетам – мириться с тем, что на его сокровища могут посягнуть чужие глаза. Но стоило ему лишь вообразить это, как охвативший его панический страх заставлял буквально сходить с ума.

Не хочет.

Он не хочет, чтобы в глазах Ци Шуюэ когда-нибудь отразился кто-то еще.

Гуань Е столь прямо выплеснул свои сокрытые во мраке тайные мысли, и эта обжигающая, удушливая буря чувств заполнила тесное пространство машины, сталкиваясь со стенками. Ци Шуюэ, разумеется, всем естеством ощутил этот мощный эмоциональный удар.

Пройдя путь от легкого недоумения до осознания того, как сильно Гуань Е на самом деле взвинчен, Ци Шуюэ инстинктивно захотел его успокоить.

То ли потому, что им пока еще рано было срывать покровы и устраивать скандалы, то ли... да в любом случае, Ци Шуюэ вовсе не улыбалось смотреть, как Гуань Е теряет контроль над собой от тоски. Он искренне хотел понять его и помочь справиться с этим шквалом эмоций.

Хотя... ревнует?

С чего бы вдруг?

Мысленно встав на место Гуань Е, Ци Шуюэ с ошеломлением понял, что и сам бы на его месте взбесился – ведь он действительно поступил опрометчиво.

Раньше Гуань Е уже признавался ему в своем странном «пунктике», о котором было стыдно говорить вслух, и столько времени мучился, сдерживая себя. И даже несмотря на то, что Гуань Е нуждался в подпитке его телесными соками, максимум, что он себе позволял – это доедать оставшуюся после Ци Шуюэ еду.

А когда Ци Шуюэ попытался в прошлый раз полоснуть себя по запястью, чтобы покормить его, Гуань Е отреагировал донельзя жестко и отказался именно потому, что не хотел причинять ему боль.

Он так бережно относился к нему, соблюдая все моральные границы, а он? Он, не задумываясь, отдал свою кровь какому-то первому встречному – по крайней мере, именно так всё выглядело с точки зрения Гуань Е.

Тут поневоле взроешь от злости!

И правда, чего еще ожидать? Как он мог уделить кому-то другому больше внимания, чем самому Гуань Е?

Хотя Ци Шуюэ прекрасно понимал, что Гуань Е просто не так истолковал его недавний поступок, правда насчет Системы оставалась тайной, которую нельзя было раскрывать. Не оставалось ничего иного, кроме как произнести с максимальной уверенностью:

– Гуань Е.

– Я дорожу тобой куда больше, чем кем бы то ни было из них.

В полумраке мерцающих звезд и лунного света Ци Шуюэ запрокинул голову, пристально и серьезно глядя на него. Его ярко-красные губы слегка изогнулись в чувственной улыбке, а светло-карие глаза были прикованы исключительно к нему – в них отражался только он один.

Словно грохот гигантской волны обрушился прямо под ухо: в груди Гуань Е всё перевернулось. В голове зазвучала какая-то грандиозная музыка, заглушая все остальные звуки на свете. И лишь мягкие, твердые, кристально ясные слова Ци Шуюэ продолжали звучать эхом снова и снова.

Дорожу тобой куда больше, чем кем бы то ни было.

Грозное, почти зловещее выражение лица Гуань Е мгновенно испарилось. На смену мимолетной пустоте пришла обжигающая волна жара, стремительно залившая его щеки и окрасившая уши в багровый цвет. Только в этот момент в нем проснулось что-то действительно присущее парню его возраста – простому студенту университета.

Гуань Е вечно страдал от нехватки чувства безопасности – когда любишь такого человека, как Ци Шуюэ, обрести покой чертовски сложно. Но сколько бы он ни ревновал, перед лицом столь искреннего и завораживающего взгляда Ци Шуюэ устоять было просто невозможно. И Гуань Е не смог. Накопленная за последние дни ревность растворилась в один миг – без всякой борьбы и сопротивления он, поверженный и сломленный, рухнул прямо в эту искреннюю и ласковую ловушку, которую расставил перед ним возлюбленный.

К тому же Ци Шуюэ вовсе не собирался ограничиваться «одними лишь словами».

Он отчетливо понимал, что поступил несправедливо, а вспомнив их ночной разговор несколько дней назад, чуть загнул пальцы, чувствуя, что укушенный кончик пальца уже почти не болит. Поразмыслив еще немного, Ци Шуюэ заговорил:

– Гуань Е, я считаю, что в последнее время ты вел себя просто прекрасно.

И дело было не только в их повседневном общении. Тот факт, что Гуань Е без колебаний последовал за ним в самую гущу зомби-апокалипсиса ради спасения людей, делал его безупречным со всех точек зрения.

– Ты говорил тогда... насчет отсрочки.

– Награда на будущее.

Ци Шуюэ немигающим взглядом смотрел на Гуань Е, а атмосфера вокруг них меж тем накалялась до предела. – Ты уже накопил достаточно. Не хочешь забрать свою награду?

Пламя внутри Гуань Е вспыхнуло с новой, безумной силой – только на этот раз это была вовсе не ревность, а какое-то греховное, темное желание. Его глаза казались опаленными изнутри, но он всё еще сдерживался, хрипло спрашивая:

– Можно?

Ци Шуюэ протянул ему руку, приглашая...

Пальцы тут же переплелись в замок, и в следующую секунду Ци Шуюэ уже оказался прижат к сиденью.

Боль в пальце совсем не чувствовалась, разве что голова немного кружилась – неужели они собираются пить кровь сидя? Поза казалась жутко неудобной.

Конечно, задать этот вопрос он не успел. Гуань Е, зажмурившись, навис над ним и тут же припал к его мягким губам.

- ...

- ...?

- Мгм...

Поза оказалась донельзя удобной.

Глаза Ци Шуюэ округлились от шока, точно у испуганного котенка. От неожиданности он инстинктивно попытался отвернуться, но это лишь заставило их губы соскользнуть друг о друга с легким трением, высекая какие-то причудливые искры. Поначалу Гуань Е действовал неуклюже – он просто вжался в него, тупо притиснувшись губами и даже не пытаясь двигаться. Но это случайное движение опьянило его еще сильнее, и он наощупь, хаотично, стал искать правильный темп. Чуть наклонив голову, он начал тереться о чужие губы глубже, а затем и вовсе разомкнул зубы Ци Шуюэ, в точности так, как и обещал раньше –

Пришел забрать свою награду.

Мягкие, розоватые губы Ци Шуюэ от бесконечных поцелуев быстро распухли и приобрели ярко-алый оттенок. У него уже кружилась голова; будучи совершенно не в силах сопротивляться, он позволил чужому языку беспрепятственно вторгнуться в рот. Язык Гуань Е прошелся по зубам, сплелся с его собственным, принялся жадно вылизывать и сосать, не оставляя ни единого сухого сантиметра. Слюна смешивалась во рту, сглатываясь на ходу, и только теперь Ци Шуюэ сообразил: с самого начала Гуань Е вовсе не кровь имел в виду, а... а это...

Пожалуй, додумавшись до этого, он решил, что происходящее трудно назвать интимной близостью – это же просто... лечебная процедура? И Ци Шуюэ перестал сопротивляться. Впрочем, не исключено, что он просто окончательно опьянел от поцелуев, его тело полностью размякло, и сил на отпор попросту не осталось. Он лишь закрыл глаза, с трепетом в ресницах поддаваясь бесконечным ласкам Гуань Е, позволяя тому слизывать всю выделяющуюся влагу.

В конце концов, он сам пообещал ему «награду».

Но даже так Ци Шуюэ невольно подумал: не слишком ли долго целует Гуань Е? Почему он всё глубже и глубже проникает внутрь? У него от этого голова идет кругом – то ли от самих поцелуев, то ли от банального недостатка кислорода.

До чего же Гуань Е ненасытный.

<http://bllate.org/book/18797/1870149>